

ОБЪЕКТИВИСТСКИЙ И ХОЛИСТСКИЙ ХАРАКТЕР НОВОГО ПОНИМАНИЯ ПРИРОДЫ ТЕХНИКИ

В статье делается попытка проанализировать существующие представления о сущности технического феномена. В связи с этим рассматривается история взглядов на технику, выявляются методологические тенденции, приведшие к формированию различных концепций ее природы. Отмечается необходимость пересмотра «субъективно-аналитического» понимания источника возникновения и сущности техники.

Ключевые слова: техника, искусство, техносфера, гибридная сущность, антропологизм, органическая система, натурализм.

Стремление объяснить природу техники, как правило, приводит к поиску источника (причины ее появления), предположительно оказывающего определяющее действие на формирование ее специфических свойств, становясь, таким образом, ее *основанием*. С этим, вероятно, и связано особое положение техники в человеческой культуре. По уже устоявшемуся мнению большинства философов и ученых, она не обладает субстанциальностью: не существует сама по себе, и поэтому всегда зависима от чего-то *внешнего* (природы, человека). Есть, конечно, некоторое ожидание того, что техника когда-нибудь приобретет статус самоорганизующегося и самодействующего явления. Впервые такое предположение возникло в 40–60-х гг. XX в. в связи с появлением и развитием кибернетики и электронно-вычислительных машин (ЭВМ) [1]. Основанием для него были наличие, прежде всего, у последних моделей ЭВМ элементов самообучения и самоуправления и определенная аналогия с живым организмом и человеческим мозгом. Дальнейшее же развитие машин по этому пути, по мнению математиков и физиков, хотя и возможно, но является делом отдаленного будущего [2, 3]. Подобная двойственность в, казалось бы, ясном вопросе (техника несамостоятельна, и в то же время она может «приобрести» в процессе развития свойство независимого объекта) заставляет более внимательно отнестись к «основанию» технического феномена, которое имеет более сложную природу, чем это принято считать.

Существует несколько точек зрения, по-своему определяющих (и выделяющих) источник появления техники. Для одних ученых техника обязана своим происхождением природе, и поэтому она — вполне *природное* явление, подчиняющееся ее законам. И это умозаключение оправдано, когда мы говорим о сущности вещей в *общем* (предельно широком) смысле, подходя к человеку и его технике как к частям, «встроенным» в единое *целое* — **природу**. Такой взгляд возник еще в античности и может быть назван *объективистским*. Но для большинства философов и ученых-техников (а также дилетантов и обывателей) это наименее приемлемая точка зрения, чем, например, утверждение о *субъективном* источнике появления техники — **человеке**. С чем трудно спорить. Нигде в природе мы не найдем даже самый простой вид «человеческой» техники, как по ее конструктивным особенностям, так и по назначению. Слишком далеко ушла эволюция *искусственных* средств (орудий, машин) и действий, связанных с ними, по сравнению с орудийной деятельностью животных. Техника все больше приближается к тому, чтобы максимально воплотить в себе самого человека: она такова, *какой* ее видит и может сделать *сам* человек, сохраняя плюсы и минусы

своих стремлений и своей природы в целом. Поэтому все разговоры о ее автономности, хотя и вполне понятны (например, когда речь идет о появлении проблем отчуждения, алармизма) как попытка объяснить возникновение многих современных (и предполагаемых будущих) трудностей общественного развития, но кажутся условными и, пожалуй, слишком эмоциональными.

И все же говорить об исключительной субъективности техники — значит столкнуться с трудностью в объяснении ее происхождения и, как следствие, с утверждением о возникновении техники из ничего, о спонтанном процессе ее появления «вдруг» (например, сначала в человеческом воображении, а затем и в результате воплощения идеи создания орудия или машины на практике, без обращения к природе). Эта трудность хорошо осознавалась (пожалуй, больше интуитивно) еще в античности.

Уже в поэзии, пусть и не обсуждалось, но вполне ясно констатировалось и утверждалось существование *искусства природы* (от греч. *technē* — искусство) [4], определяющего (и создающего) искусство человека [5], которое, в свою очередь, является его *подражанием*. Интуитивная мысль о *генетической* связи природы и человека и, соответственно, искусства природы и искусства человека, получила свое подтверждение и в философии. Например, досократики (VI–V вв. до н. э.), впервые хотя и отделили искусство человека от искусства природы, но признавали первенство последнего в качестве источника первого, и более совершенного (оптимального) средства и действия по сравнению с искусством человека [6]. Платон же, когда проанализировал технику природы, пришел к выводу: всему существующему присуща способность творческого преобразования чего-либо (воздействовать или испытывать воздействие). Это свойство — едва ли не главная черта бытия. Несуществующее техникой не обладает. Таким образом животное и человек удовлетворяет свои потребности, используя различные средства, при этом интеллектуальность определяет адекватность их выбора [6, 7].

Не отрицал связи естественного и искусственного и Аристотель, полагая, что существует *подобие* в создании вещей природой и человеком: в обоих случаях это правильный (осуществляемый по правилам) и целесообразный процесс, с той лишь разницей, что преобразования в природе — «внутренняя деятельность», а у человека она — «внешняя». И, если говорить в общем, то сущность искусственного «есть в некотором отношении естество». К тому же он говорил и об искусствах, подражающих природе [8, 9, 10].

Античная традиция объективистского взгляда на технику (хотя, конечно, в этот период формировалась и субъективистская ее трактовка, например, у софистов и Аристотеля) впоследствии имела свое продолжение, например, в работах Маркса (труд как естественное свойство природы и мировой процесс) [11, 12], Дарвина (техника — орудие и механизм эволюции природы, при этом сама техника стремится к оптимальному) [13] и Бергсона (животные инстинктивно стремятся к использованию орудий, которые специализированнее и совершеннее человеческих) [14]. Таким образом, утверждение о наличии у сущности техники *объективной* стороны позволяет, во-первых, избежать затруднения, связанного с установлением ее *происхождения*, а во-вторых, помогает выявлению причины, по которой техника может взаимодействовать с природой («подобное с подобным»).

В то же время небывалая эволюция техники человека по сравнению с техникой природы (по крайней мере, с тем, что мы знаем о ней) заставляет говорить и о ее *субъективной* стороне, так явно обнаруживающейся, когда мы начинаем рассматривать любой ее вид. Так, еще в античной философии Платона, по утверждению А.Ф. Лосева, человеческое знание (идея) выступило как «объективно, самостоятельно существующая конструктивная модель вещи» [15]. Знание *технично*, оно всегда показывает, «как» сделать что-либо, способствуя тем самым достижению *пользы*. Так что любое знание, как и связанное с ним занятие (дело, действие), определяется этим «техническим» критерием. Таким образом, Платон органично связал субъективный элемент — знание — с техникой, а также и всю субъективность — психику: душа творит (создает), изобретает [7]. Очевидно, что душа, знание у него становятся *идеальным* источником техники.

Аристотель же, в свою очередь, не только сознание (душу, знание) связал с техникой (искусством), но и все естество человека, его сущность. Искусство — *врожденное свойство* человека, способное раскрываться (приобретаться) в процессе его развития: переходить из возможного состояния в действительное. Именно человек придает технике целесообразность [9, 16].

Эта идея *принципиальной* субъективности техники получила свою поддержку в эпоху Возрождения (например, у Леонардо да Винчи) и Новое время (например, у Декарта). Предельно ясно об этом высказался Кант, полагая, что техника есть, прежде всего, свойство *мышления* человека: его умение *конструировать* вещи в разуме [17]. В таком случае материальная техника есть воплощение этой идеальной техники.

Можно заметить, что объективистская и субъективистская концепции по-своему верно представляют источник техники, хотя последняя, в духе аристотелизма, имеет гораздо больше сторонников, чем первая. Поворот к субъективному истолкованию действительности, начавшийся еще во второй половине XV в. и окрепший в XVIII в. (например, у Канта), как мы видели, сказался и во взглядах на технику. Но еще в XVII в., например, у нидерландского философа-рационалиста Бенедикта Спинозы были вполне приемлемыми понятия «*natura naturans*» («природа творящая») и «*natura naturata*» («природа сотворенная»). При этом Спиноза отдавал предпочтение и первенство именно *natura naturans*, или технике природы [18], сохраняя тем самым платоновский объективизм во взгляде на технику. И все же заметна односторонность, экстремальность обеих позиций при попытке уточнения «единой» природы техники. Поэтому возникает необходимость и основание для попытки органичного объединения обеих трактовок и получения более полного (синтетического) понимания техники, согласно которому она имеет смешанный, *гибридный* источник возникновения — природу и человека, дающий ей начало и развитие. Техника представляет собой природное и человеческое явление, имеющее *объективно-субъективную* (естественно-искусственную) сущность. При этом соотношение компонентов этой сущности неодинаково, что делает ее *асимметричной*: природа — лишь пассивный источник и «внешнее» условие существования техники, тогда как человек — ее *активная* и поэтому определяющая часть.

Идея о правомерности считать источник и, соответственно, природу техники «смешанными» не нова. В связи с началом формирования в науке системного

подхода в 60–70-х гг. XX в. она возникла, например, у отечественного философа В.Г. Волкова, который не видел противоречия между искусственным и естественным в технике, но лишь их аналогию (причем, в широком смысле, первое подражает второму). В подтверждение подобного «родства», казалось бы, абсолютно разных компонентов техники, он применял «технические» термины, рассматривая природу и существование животных (например, «естественная технология», «живой автомат»), чем, как мы помним, пользовался Декарт (это вообще было распространено в XVII–XVIII вв.: можно упомянуть еще, в частности, Лейбница и Ламетри), а затем и Дарвин. Что касается Волкова, то на формирование его концепции, вероятно, повлияли определенные теоретические взгляды Маркса, как и на его мнение о том, что «человеческую» технику определяет, в конечном счете, сам человек [19].

Нетрудно увидеть в этом случае примат антропологической стороны техники над ее натуралистичностью. Но дальнейшее развитие научно-технической революции постепенно приводит к осознанию техники не только как особой, «инструментальной» системы, но и как активной силы, оказывающей все большее влияние на окружающий мир и самого человека. На наш взгляд, происходит процесс «онтологического» перехода техники из состояния греческого *искусства* (*techne* — порождение), которое понималось «деятельностно» — как **создание нового** в мире вещей (в том числе идеальных вещей) [20] и было больше связано с человеком, чем с природой, к состоянию *техносферы* — выходящей за пределы влияния человека области существования техники как системы, способной потенциально многократно усилить свое взаимодействие (и воздействие) с природой и человеком (его культурой), по сути, определяя их бытие.

В этом случае, вероятно, уже трудно говорить о технике как об исключительно (или преимущественно) антропологическом и социальном явлении. Можно предположить, что продолжающееся развитие техники и ее переход в состояние техносферы значительно «сокращает» расстояние между человеком и природой, образующих в результате этого принципиально иную систему, чем принято считать, где *природное* (в качестве источника технического действия, его условия и области применения) становится определяющим. Подобный принцип целостности (холизм) вновь приводит к отошедшему на второй план **объективизму** в понимании природы техники.

Что касается подобного развития техники как системы, то, по мнению отечественного философа техники В.М. Фигуровской, переход естественных наук на уровень нанотехнологий лишь подтверждает наметившуюся тенденцию на установление более тесной связи и возможности взаимодействия техники и природы. Она полагает необходимым перейти от представлений о технике как о «человеко-машинной» системе к более широкому ее пониманию: как «человеко-машинно-природного» целого. Подобную направленность технического развития другой отечественный философ, В.В. Чешев, называл «взаимопроникновением» естественного (природного) и искусственного (техногенного): «Природная среда давно уже не арена, на которой разворачивается преобразующая деятельность человека, она входит в контекст техносферы как и сама техносфера прорастает в природную среду. По этой причине изменения в техносфере предстают одновременно и как изменения в природной среде» [20]. Мы могли бы на

основании этих высказываний предположить, что здесь уже не человек определяет процесс существования такой системы, а некие принципы и законы, порождаемые самой структурой системы и имеющие в самом широком смысле природную сущность. Любое действие человека, планирование этого действия и исполнение его какими-либо средствами имеет природную основу, так как, в конечном счете, все это естественные явления, происходящие в естественной среде.

Таким образом, объективное развитие человеческой цивилизации, имеющее уже явно безальтернативный **научно-технический** характер, детерминирует необходимость пересмотра прежних представлений о технике для лучшего понимания этого процесса и, как следствие, создания его положительной динамики и хотя бы частичного решения проблем, с ним связанных и имеющих во многих случаях уже глобальный характер. Для этого, как нам кажется, необходимо формировать тенденцию натуралистического (объективистского) и целостного истолкования сущности техники, не отрицая, конечно, полезных результатов «субъективно-аналитического» ее понимания.

Библиографический список

1. Винер Н. Кибернетика, или управление и связь в животном и машине / Пер. с англ. И.В. Соловьева, Г.Н. Поварова. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 340 с.
2. Тьюринг А. Может ли машина мыслить? / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Физ.-мат. лит-ра, 1960. 112 с.
3. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Мир, 1991. 240 с.
4. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н.И. Гнедича. М.: Худож. лит-ра, 1978. 534 с.
5. Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В.А. Жуковского. М.: Худож. лит., 1981. 407 с.
6. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова, С.П. Кондратьева, С.Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1994. 830, [1] с.
7. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. С.А. Ананьиной, С.К. Апта, Т.В. Васильевой и др. М.: Мысль, 1993. 528 с.
8. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер, А.В. Лебедева, В.П. Карпова. М.: Мысль, 1981. 613 с.
9. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 2 / Ред. З.Н. Микеладзе. М.: Мысль, 1978. 687 с.
10. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. Н.В. Брагинской, М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1983. 630 с.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. 689 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 2. М.: Политиздат, 1969. 618 с.
13. Дарвин Ч. Происхождение видов путем естественного отбора. Л.: Наука, 1961. 539 с.
14. Бергсон А. Творческая эволюция / Пер. с франц. В.А. Флеровой. М.: «Канон — пресс»; Кучково поле, 1998. 384 с.
15. Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1 / Пер. с древнегреч. В.С. Соловьева, М.С. Соловьева, С.Я. Шейнман-Топштейн и др. М.: Мысль, 1990. 860 с.
16. Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. 550 с.
17. Кант И. Соч.: В 8 т. Т. 3 / Пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Чоро, 1994. 741 с.
18. Спиноза Б. Этика / Пер. с лат. Я.М. Боровского, Н.А. Иванцова. СПб.: Азбука, 2001. 352 с.
19. Волков Г.Н. Эра роботов или эра человека? (Социол. проблемы развития техники). М.: Политиздат, 1965. 159 с.
20. Чешев В.В. Развитие техносферы и новые технологии // Формирование профессиональной культуры специалистов XXI века в техническом университете. Ч. 2. Философия в техническом вузе: Тр. 8-й Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 174 с.